

Павел Валерьевич Ополев

Омский государственный технический университет, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации», Омск, Россия
e-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru

Особенности эпистемологии перспективизма

Аннотация. В рамках эпистемологии перспективизма понятие «перспектива» выходит за границу оптической и геометрической метафоры в область фундаментальных философских проблем. В основе перспективизма лежит идея, согласно которой знание и деятельность человека носят «перспективную» печать своего происхождения. В статье с опорой на историко-философскую традицию, отечественные и зарубежные исследования осмысляются проблемы концептуализации понятия «перспектива», особенности перспективистской эпистемологии. Представления о перспективе познания носят саморефлективный характер, воспроизводятся на всем протяжении развития философии и науки. В настоящее время перспективизм обнаруживает множество пересечений с позициями, сложившимися в рамках классической (релятивизм, априоризм) и неклассической эпистемологии (эволюционная эпистемология, энактивизм и др.), что затрудняет его самоопределение. Перспективизм имеет широкую и узкую интерпретацию и может принимать формы как онтологической установки (конституирующей идею многообразия, множественности), так и эпистемологического принципа (конституирующего идею плюрализма и релятивизма).

Ключевые слова: конструктивизм, перспектива, перспективизм, философия познания, эпистемология.

Pavel V. Opolev

Omsk State Technical University, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of
the Department "History, Philosophy and Social Communications", Omsk, Russia
e-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru

Features of Epistemology of Perspectivism

Abstract. Within the epistemology of perspectivism, the concept of "perspective" goes beyond the boundaries of optical and geometric metaphor into the realm of fundamental philosophical problems. At the heart of perspectivism is the idea that human knowledge and activity bear the "perspective" stamp of their origin. The article, based on historical and philosophical tradition, domestic and foreign studies, comprehends the problems of conceptualisation of the notion of "perspective" and the peculiarities of perspectivist epistemology. The ideas about the perspective of cognition are self-reflexive and are reproduced throughout the development of philosophy and science. At present, perspectivism finds many intersections with the positions developed within the framework of classical (relativism, apriorism) and non-classical epistemology (evolutionary epistemology, enactivism, etc.), which makes its self-definition difficult. Perspectivism has a broad and narrow interpretation and can take the forms of both ontological attitude (constituting the idea of diversity, multiplicity) and epistemological principle (constituting the idea of pluralism and relativism).

Keywords: constructivism, perspective, perspectivism, philosophy of cognition, epistemology.

Введение (Introduction)

В настоящее время исследователи всё чаще говорят о кризисе классической эпистемологии. Кризис видится следствием множества тенденций: концептуальные сдвиги в современной науке, развитие междисциплинарного и трансдисциплинарного знания. Мысль о том, что философские способы изучения познания себя исчерпали, способствовала развитию когнитивных наук, которые предлагают изучение отдельных аспектов познавательной деятельности. В резуль-

тате возникает проблема «перепроизводства» эпистемологических концепций [1, с. 14], которая оборачивается столкновением множества познавательных «перспектив».

Допущение наличия принципиального множества диспозиций субъекта, в которых проявляет себя истина, становится основанием для эпистемологии перспективизма. Вместе с тем статус перспективизма до сих пор не определен однозначно: в нем можно разглядеть как эпистемологический принцип, классический релятивизм, установку на

априоризм, репрезентационизм, контекстуализм, формы современного конструктивизма. В работе мы сосредоточим внимание на проблемах концептуализации и особенностях перспективистской эпистемологии, опираясь на историко-философскую традицию, современные зарубежные и отечественные исследования.

Методы (Methods)

В настоящем исследовании используются методы исторического, системного и сравнительного анализа, что позволяет посмотреть на проблемы становления перспективистской эпистемологии через призму как историко-философской традиции, так и современных исследований. Использование принципов диалектики способствует раскрытию внутренних противоречий в авторских интерпретациях перспективизма, выявлению ключевых проблем и установок перспективистской эпистемологии.

Литературный обзор (Literature Review)

Современные исследования перспективизма развиваются преимущественно в рамках аналитической философии и оказываются обращены к научному знанию. В 1979 г. Д. Канеман и А. Тверски опубликовали статью по экономике «Теория перспектив: анализ принятия решений в условиях риска», в которой предлагается математическая модель принятия решений в условиях множественных рисков и неопределенностей [2]. Обоснование перспективизма в качестве эпистемологической программы мы встречаем в незаконченной работе Ф. Каульбаха «Философия перспективизма» [3]. В рамках работы В. Штегмайера «Философия ориентирования» понятие «перспективизм» осмысливается как общезначимая ориентационная категория [4]. В работе Р. Гира «Научный перспективизм» это понятие занимает промежуточное положение между реализмом и конструктивизмом [5, р. 14]. В работе Р. Гир допускает объективность науки, наличие объекта научного познания, но подчеркивает, что он всегда дан нам как некоторая перспектива, которая определяет для нас утверждения об истинности [5, р. 81]. Философ Х. Чанг обращает внимание на проблему соизмеримости познавательных перспектив в науке, отмечает сходство перспективизма и философии прагматизма, подчеркивая, что «любое знание, возникающее в результате конкретной деятельности, несет на себе четкий контекстуальный или перспективный отпечаток ее происхождения» [6, р. 19] (перевод наш. — П. О.). П. Теллер в статье «Что такое перспективизм и считается ли он реализмом?» отмечает, что человек познает и действует в рамках частичной и неполной репрезентативной схемы действительности, которая и есть предмет обсуждения перспективизма [7, р. 62]. В статьях М. Р. Левина, В. А. Чалого, С. В. Лугового, Л. Ю. Корнилаева намечаются особенности перспективистской эпистемологии и отмечается, что перспективистская установка содержит в себе признаки философского направления, которое призвано снять противоречие между реализмом и конструктивизмом [8; 9; 10].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Принято считать, что условием возможности конструктивного осмысления познавательной деятельности явля-

ется выделение в ней субъекта, наделенного сознанием человека, и объекта — фрагмента действительности, на который познавательный процесс оказывается направлен. Момент встречи субъекта и объекта дает нам возможность говорить об истине в ее классическом понимании. Истина как выражение соответствия нашего знания объективной действительности указывает как на характеристики сущего, так и на возможности познающего субъекта занять правильную по отношению к этому сущему позицию. При этом в классической интерпретации истинности позиция, в которой сущее «открывается», оказывается единственной и общезначимой. В рамках классической философии и науки человек, позиционируя себя как «господин сущего» (М. Хайдеггер), «навязывает» действительности определенную перспективу, которая наиболее полно отражает его потребности и интересы.

Классическая наука исходит из того, что существуют «бесперспективные» факты о вещах. Научное знание предлагает нам не только всеохватывающую схему природных процессов (М. Хайдеггер), но и конкретную перспективу, которая видится объективной и имперсоналистичной. Вместе с тем исторические трансформации научной рациональности демонстрируют, что «научная перспектива» не является константой. Так, известный ученый А. Пуанкаре, по замечанию современников, «...занимал довольно скептическую позицию в отношении физических теорий, считая, что вообще существует бесчисленное множество различных, но логически эквивалентных точек зрения и образцов...» [11, с. 306–307]. Можно сказать, что научные теории также суть перспективы. Эта мысль отчасти находит свое отражение в рамках методологического анархизма П. Фейерабенда.

В первом приближении складывается впечатление, что перспективизм предлагает сосредоточить внимание на идее относительности познания, используя метафору перспективы. Термин «перспектива» тесно связан со множеством смежных понятий, которые повсеместно воспроизводятся в рамках науки и философии. По мысли Л. Ю. Корнилаева, «перспективизм утверждает фундаментальную зависимость от перспективы, точки зрения и эпистемологической позиции в целом» [10, с. 31]. Вряд ли мы могли бы обойтись без использования понятия «точка зрения», поскольку всякое знание, которое мы получаем буквально, исходит из той или иной познавательной позиции. Однако понятия «горизонт», «картина мира» часто используются без привязки к какой-либо познавательной стратегии.

Этимология слова «перспектива» восходит к латинскому слову *perspectiva*, означающему «искусство видеть то, что впереди», образованному суффиксальным способом от *perspicere* — «видеть насквозь» [12, с. 285]. В специализированном словарном издании по искусству понятие «перспектива» определяется как «вспомогательная научная дисциплина, изучающая закономерности изображения предметного мира в соответствии с его зрительным (оптическим) восприятием» [13, с. 121]. В словарных определениях понятия «перспектива» внимание уделяется глазу наблюдающего человека и «геометрии» восприятия. Глаз выступает в роли проводника устойчивых, действительных

свойств самого предмета, а геометрия — инструментом ее репрезентации, предлагающим нам вариант идеализации и математизации оптических механизмов.

Геометрические метафоры зрения воспроизводятся уже в античности. Немезий Эмесский в трактате «О природе человека» отмечает, что «зрением называется одинаково и орган, и сила ощущающая. Гиппарх говорит, что лучи, распространяющиеся из глаз и своими концами, как бы прикосновением рук, касающиеся внешних предметов, передают зрительному органу восприятие последних. Геометры описывают некоторые конусы, происходящие из совпадения лучей, которые исходят из глаз: именно, правый глаз, [думают они] посылает лучи налево, левый — направо, так что от их пересечения образуется конус; отсюда происходит, что зрение охватывает сразу многие предметы, но видит лучше всего тот пункт, в котором пересеклись лучи» [14, с. 59]. В искусстве нет общезначимых представлений о «правильной перспективе», так как все варианты перспективы (линейная, панорамная, купольная, сферическая и т. д.) имеют свои особенности.

Выбор соответствующей перспективы предполагает множество ограничений, а ее восприятие определяется не только оптическими, но и культурными характеристиками. «Геометризация» зрения в искусстве представляет собой явную аппроксимацию, исключающую многообразие действительных психофизиологических процессов. Примечательно, что в этом случае перспективизм предполагает целый ряд онтологических допущений, которые, в свою очередь, становятся мировоззренческим основанием для классической науки и философии. Это обстоятельство отмечает П. Флоренский: «...Мир понимается как единая, нерасторжимая и непроницаемая сеть канто-евклидовских отношений, имеющих средоточие в Я созерцателя мира, но так, чтобы это Я было само бездейственным и зеркальным, неким мнимым фокусом мира» [15, с. 90].

Хотя ранние формы перспективизма можно обнаружить в рамках философии Протагора, для классической философии и для науки характерно стремление к объективному познанию действительности, признание того, что существуют «бесперспективные» факты о вещах. Общеизвестна антиперспективистская позиция Платона по отношению к бытию и познанию истины. Идею множественности перспектив, «воспроизводящих универсум со своей точки зрения», обосновывал Г. В. Лейбниц [16, с. 405]. Высказывания в духе перспективизма мы встречаем также в рассуждениях И. Канта: «Всякое понятие можно рассматривать как точку, которая, как точка зрения наблюдателя, имеет свой горизонт, т. е. определенное множество вещей, которые можно представить и как бы обозреть из этой точки» [17, с. 492]. По мысли Ф. Ницше, «существует *только* перспективное зрение, *только* перспективное “познавание”...» [18, с. 339]. Признание «перспективности» бытия и мышления бросает вызов эссенциализму и реализму, делает невозможным обнаружение последних оснований бытия, получение гарантии достоверности и объективности знания.

Перспективизм исходит из позиции невозможности абсолютного, объективного взгляда на мир. Всякое познание и деятельность предлагают нам «перспективный» взгляд на

вещи. Так, в работах Аристотеля мы встречаем размышления о соотношении чувственного восприятия, опыта и спекулятивного мышления, направленного на причины и начала бытия. В этих размышлениях приоритет отдается «знанию причин и начал», но отмечается, что в некоторых случаях (например, в лечении болезней) далеко не последнюю роль играет опыт [19, с. 31]. Вместе с тем врач лечит не человека вообще, а именно этого человека, сообразно его особенностям. Врач реализует в своей деятельности определенный набор профессиональных «перспектив» на заболевание, каждая из которых предполагает свой алгоритм лечения болезни. При этом оказывается, что мы имеем дело не с одной абсолютной точкой зрения, а с множеством переплетающихся, но нетождественных перспектив. Врач, больной, медицинская наука и даже сама болезнь вполне могут быть рассмотрены и как носители перспектив, и как сами «перспективы».

Зарубежный исследователь А. Чакраварти предлагает несколько аргументов в пользу перспективизма в современной науке: «аргумент от обнаружения» (the argument from detection), «аргумент от несогласованности» (the argument from inconsistency), «аргумент от значения и референции» (the argument from meaning and reference) [20]. «Аргумент от обнаружения» указывает на то, что наши познавательные способности, инструменты познания действительности вносят решающий вклад в репрезентацию действительности. Эта мысль обладает сходством с установками эволюционной эпистемологии и энантизма: человек в процессе познания не открывает предзаданную объективную реальность, а выстраивает динамические отношения со средой. «Аргумент от несогласованности» основывается на том, что нам оказываются недоступными «бесперспективные» факты. Это суждение возвращает нас к априористским установкам кантовской философии и современным формам конструктивизма. В более поздней работе А. Чакраварти отмечает, что не существует никаких онтологических фактов, трансцендентных перспективе [21, р. 177]. «Аргумент от значения и референции» ставит вопрос о возможности онтологически непротиворечивой научной картины мира. Действительно, ученые вынуждены взаимодействовать с противоречивой реальностью, в которой несогласованность усматривается не только в теоретических моделях, но и в эмпирической действительности. В результате возникает проблема научного объяснения эмпирических фактов и соизмеримости научных картин мира. Эта проблема также находит свое отражение в работе Д. Саатси, в которой подчеркивается, что «плюрализм несовместимых объяснительных перспектив» является условием возможности для развития современной науки [22, р. 79].

В исследовании зарубежного философа И. Вотсиса перспективизм рассматривается как форма антиреализма. Автор выделяет четыре версии перспективизма: «глупая» (silly), «наивная» (innocent), «зловещая» (sinister) и «опасная» (dangerous) [23]. «Глупая» форма перспективизма основывается на интуитивно понятной позиции, согласно которой разные люди имеют разные точки зрения. Вместе с тем очевидно, что наличие множества «перспектив» не означает, что они все оказываются достоверными и равнозначными.

Допущение обратного есть крайность, которая делает невозможным достижение истины и, по сути, представляет собой форму одностороннего релятивизма. «Наивная» форма перспективизма предполагает, что для любой системы сосуществуют различные представления (*representations*), которые описывают разные аспекты системы. В этом случае «перспективы» могут одновременно быть истинными и дополнять друг друга. В таком виде «перспективизм» в полной мере соответствует установке научного реализма.

Последние две формы перспективизма в работе И. Вотсиса выглядят наиболее дискуссионными, бросающими вызов научному реализму. «Зловещая» форма перспективизма основывается на допущении, что всякая система может быть успешно описана с позиции различных, конкурирующих между собой представлений. Перспективизм бросает вызов эссенциализму, эпистемологическому реализму, в котором конституируется наличие объективной реальности и возможностей эту реальность зафиксировать в непротиворечивых высказываниях. «Опасная», или, лучше сказать, радикальная, форма перспективизма предполагает, что уникальность архитектуры системы определяется моделью ее описания. Перспективный взгляд открывает полиморфизм системных характеристик, утверждает, что системы в одно и то же время обладают более чем одной структурой [23, р. 119]. Именно в этом, по нашему мнению, и состоит «перспективное познание», о котором упоминает Ф. Ницше. В рамках данной интерпретации перспективизм сближается с эпистемологией радикального конструктивизма, представленной в работах Э. Глазерсфельда, с мыслью о том, что действительность суть конструкт, который «...подлежит объяснению только с позиции нашего способа конструирования» [24, с. 94].

Перспективизм предполагает не только эпистемологический ракурс, но и онтологическую позицию. Как подмечает Э. Гуссерль, «каждый момент жизни есть точка зрения...» [25, с. 235]. Онтологическую интерпретацию перспективизма мы обнаруживаем в известной установке Х. Ортеги-и-Гассета «я — это я и мои обстоятельства». По мысли А. М. Руткевича, в философии Х. Ортеги-и-Гассета «бытие — это и не материя, и не дух, не какая-то субстанция, а “ракурс”, “перспектива”, в которой слиты акт сознания и предмет, точка зрения и пейзаж» [26, с. 18]. Бытие открывает и совершенствует себя через многообразие переплетающихся перспектив. Эти суждения могут иметь и биологическую интерпретацию, обнаруживая корреляцию с установками эволюционной эпистемологии. В этом отношении мысль биолога Якоба фон Икскуля о том, что организмы замкнуты в своем феноменальном мире, заданном их биологическими каналами восприятия (*Umwelt*), вполне может пониматься в духе перспективизма.

Современная антропология в рамках работ Ф. Десколы, Э. Кона, Э. В. Кастру иницирует «онтологический поворот», активно использует установку на перспективность для построения концептуальной модели картины мира за пределами западной культуры. Исследования указанных антропологов выходят за границы описания культуры и быта коренных южноамериканских этносов, оказываются обращены к реконструкции индейских «онтологий», в рамках кото-

рых любая реальность — это совокупность перспектив. Для индейца действительность (природная и культурная) включает сосуществующие «человеческие» и «нечеловеческие» самости, каждая из которых содержит в себе перспективу. Как замечает Э. В. де Кастру, «миф, как универсальное место утечки перспективизма, говорит о таком состоянии бытия, в котором тела и имена, души и действия, я и другой проникают друг в друга, будучи погруженными в одну и ту же досубъективную или дообъективную среду» [27, с. 35]. По мысли Э. Кона, «...есть только одна культура — перспектива “я”, которую принимает любая самость, человеческая, равно как и нечеловеческая. Культура в этом смысле есть перспектива “я”» [28, с. 229]. В проекции такого рода значения и смыслы возникают только при взаимодействии между субъектами, не являясь окончательными, они достраиваются в процессе взаимодействия. Без вхождения в эту сеть перспектив правильное понимание действительности оказывается невозможным.

Релятивизм, априоризм, формы конструктивизма, знактивизм содержат в себе явные перспективистские установки, что существенно усложняет самоопределение перспективизма как самостоятельной эпистемологической программы. Также обращает внимание неполное соответствие между предполагаемым наименованием эпистемологической программы и ее теоретическим содержанием. Художественные, оптические и геометрические коннотации слова «перспектива» зачастую связаны с представлениями о линейной перспективе, что затрудняет концептуализацию эпистемологических установок перспективизма в целом.

Представления о линейной перспективе предполагают целый ряд онтологических допущений, которые не в полной мере соответствуют эпистемологической программе перспективизма. Во-первых, в рамках линейной перспективы мир представляет собой объективно существующую часть однородного, изотропного и непрерывного пространства. Во-вторых, идея линейной перспективы предполагает наличие «центра», который выполняет функцию центра мироздания. Это означает наличие абсолютной точки зрения, присущей наблюдателю, который выступает в роли своего рода самодовлеющего источника этого «перспективного» видения. В-третьих, действительность мыслится как законченная и завершенная, не способная к изменению и развитию. Отечественный философ П. Флоренский такого рода «перспективизм» рассматривал как онтологическое основание для философского и научного мировоззрения: «Иными словами, перспективность есть прием, с необходимостью вытекающий из такого мировоззрения, в котором истинною основой полуреальных вещей-представлений признается некоторая субъективность, *сама лишенная реальности*» [15, с. 90]. Полагаем, что дискуссии о перспективизме должны выйти за границы как узкого толкования линейной перспективы, так и его исключительно эпистемологической интерпретации. Считаем целесообразным использовать такого рода аналогии для развития онтологии перспективизма. Например, введение понятия «линейный перспективизм» позволило бы исследователям выйти за границы описания метода визуального представления предметов на плоскости в область онтологической проблематики, типоло-

гии перспективизма и факторов, фундирующих особенности научной картины мира в исторической ретроспективе.

Заключение (Conclusion)

Перспективизм содержит в себе признаки фундаментальной эпистемологической конструкции. Идеи перспективизма выходят за границы оптической метафоры в область онтологии и эпистемологии. Суждение о том, что мир соткан из множества «перспектив», нашло свое отражение в перспективистской эпистемологической установке, которая пока не получила развернутое обоснование. Представления о перспективе познания носят саморефлективный характер и, как мы показали, воспроизводятся на всем протяжении развития философии и науки. Мысль о том, что суждения о действительности всегда соотносятся с какой-либо перспективой, нельзя исключить, даже признавая существование «бесперспективных» фактов.

Перспективизм может пониматься в широком и узком значении, иметь «слабую» и «сильную» интерпретацию. В широком своем значении перспективизм принимает формы как онтологической установки, так и познавательного

принципа, не привязанного к отдельной эпистемологической программе. В качестве базовой онтологической установки перспективизм предполагает идею многообразия, множественности и имманентной сложности бытия (например, в рамках монадологии Г. В. Лейбница, философии Х. Ортеги-и-Гассета, онтологического поворота в современной антропологии). Перспективизм как познавательный принцип возвращает нас к вопросам границ познания, дискуссиям о статусе релятивизма в философии и науке, проблемах эволюционной эпистемологии, формах современного конструктивизма. В узком значении перспективизм может принимать инструментальные формы, например, в качестве методологии научного познания, средства построения непротиворечивой научной картины мира. Перспективизм содержит в себе признаки интегративной эпистемологической программы. Вместе с тем он никогда ею не станет без опоры на соответствующую онтологию, так как перспективизм не только обращен к структуре познавательной ситуации, особенностям субъективных факторов познавательной деятельности, но и предполагает онтологические допущения, которые еще потребуются выделить и обосновать.

Библиографический список

1. Лекторский В. А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты : материалы конф. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. С. 5–34.
2. Канеман Д., Тверски А. Теория перспектив: анализ принятия решений в условиях риска // Экономика и математические методы. 2015. Т. 51, № 1. С. 3–25.
3. Kaulbach Fr. Philosophie des Perspektivismus. 1 Teil : Wahrheit und Perspektive bei Kant, Hegel und Nietzsche. Tübingen : Mohr, 1990. 333 p.
4. Stegmaier W. Philosophie der Orientierung. Berlin ; New York : De Gruyter, 2008. 804 p.
5. Giere R. N. Scientific Perspectivism. Chicago : University of Chicago, 2006. 151 p.
6. Chang H. Pragmatism, Perspectivism, and the Historicity of Science // Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects / eds.: M. Massimi, C. Mccoy. New York : Routledge, 2020. P. 10–28.
7. Teller P. What Is Perspectivism, and Does It Count as Realism? // Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects / eds.: M. Massimi, C. Mccoy. New York : Routledge, 2020. P. 49–64.
8. История перспективизма и статус перспективистских понятий / М. Р. Левин, В. А. Чальый, С. В. Луговой, Л. Ю. Корнилаев // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, вып. 2. С. 249–260.
9. Чальый В. А. Научный перспективизм: реализм, антиреализм или новая парадигма? // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 80–90.
10. Корнилаев Л. Ю. Перспективизм и контекстуализм // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2023. № 76. С. 27–34.
11. Бройль Л. По тропам науки. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. 408 с.
12. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Полиграфуслуги, 2005. 432 с.
13. Краткий словарь терминов изобразительного искусства : [Около 700]. М. : Советский художник, 1961. 190 с.
14. Немезий Эмесский. О природе человека. М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2011. 464 с.
15. Флоренский П. А. Обратная перспектива // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 2000. Т. 3 (1). С. 46–102.
16. Лейбниц Г. В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. С. 404–412.
17. Кант И. Соч. : в 8 т. Т. 3 : Критика чистого разума. М. : ЧОРО, 1994. 741 с.
18. Ницше Ф. К генеалогии морали // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012. Т. 5. С. 229–382.
19. Аристотель. Метафизика / пер. с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 232 с.
20. Chakravarty A. Perspectivism, Inconsistent Models, and Contrastive Explanation // Studies in History and Philosophy of Science. 2010. No. 41 (4). P. 405–412.
21. Chakravarty A. Scientific Ontology. New York : Oxford University Press, 2017. 296 p.
22. Saatsi J. Realism and Explanatory Perspectives // Understanding Perspectivism: Scientific Challenges and Methodological Prospects / eds.: M. Massimi, C. Mccoy. New York : Routledge, 2020. P. 65–84.
23. Votsis I. Putting Realism in Perspectivism // Philosophica. 2012. No. 84 (1). P. 85–122.

ФИЛОСОФИЯ

24. Глазерсфельд Э. Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С. А. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. Мюнхен : PHREN, 2000. С. 74–99.
25. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Избранные работы / сост. В. А. Куренной. М. : Территория будущего, 2005. С. 185–240.
26. Руткевич А. М. Предисловие // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп. ; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. 2-е изд. М. : Весь Мир, 2000. С. 3–42.
27. Кастру Э. В. Каннибальские метафизики: рубежи постструктурной антропологии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 200 с.
28. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.